

приоритетных установок разных национально-культурных общностей, что может служить улучшению взаимопонимания и межкультурной коммуникации.

Примечания

- ¹ См.: Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 1980.
- ² См.: Баранов А.Н., Михайлова О.В., Сатаров Г.А. и др. *Политический дискурс: методы анализа политической структуры и метафоры*. М., 2004, С. 39.
- ³ Lakoff G. *The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony*. Cambridge, 1993. P. 245.

- ⁴ Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. *Русская политическая метафора (материалы к словарю)*. М., 1991. С. 47.
- ⁵ Жизнь за всю неделю. 2007. 19–25 декабря (№51)
- ⁶ New York Times. 1978. November 10.
- ⁷ Sufire W. *Sufire's Political Dictionary*. L.; Oxford. 1990.
- ⁸ Аргументы и Факты (АиФ). 2007. № 51.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Time. 1983. February 21.
- ¹¹ New Scientist. 1986. May 30.
- ¹² Financial Times. 2007. February 6.
- ¹³ Аргументы и Факты (АиФ). 2007. № 51.
- ¹⁴ Newsweek. 2001. June 18.
- ¹⁵ Жизнь за всю неделю. 2007. 19–25 дек. (№ 51).
- ¹⁶ Newsweek. 2001. 10 Sept.

УДК 321.001.5

ФАКТОР СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДЛЯ НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕРИФЕРИИ (на примере Нагорного Карабаха)

А.Г. Большаков

Казанский государственный университет,
кафедра политологии факультета международных отношений
и политологии
E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

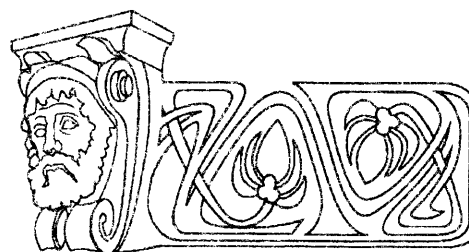
Статья посвящена проблеме непризнанных государств европейской периферии, которые появились в регионе как результат этнических вооруженных конфликтов. Фактор наличия сопредельных территорий имеет двойственное значение. С одной стороны, к сопредельным территориям относится бывшая метрополия, которая мирными и военными средствами пытается вернуть мятежников в юридические границы своего государства. С другой стороны, сопредельные территории являются фактором выживания непризнанного государства, поскольку, как правило, именно внешний ресурс позволяет функционировать их важнейшим сферам.

Adjacent Territory Factor for the Unrecognized States of the European Periphery (with Nagorny Karabakh as an example)

A.G. Bol'shakov

The paper is devoted to the problem of unrecognized states in the European periphery, which have appeared in the region as a result of ethnic armed conflicts. The factor of the presence of adjacent territories has a dual meaning. On the one hand, a former mother country which tries to return the rebels into the legal frontiers of the state by peace and military means falls into an adjacent territory. On the other hand, the adjacent territories are a survival factor of an unrecognized state because, as a rule, it is this external resource which allows its major spheres to function.

Современная актуализация проблемы непризнанных государств поставила перед научным сообществом задачу поиска адекватных

методологических и теоретических подходов к исследованию феномена. Комплексный анализ и прогнозирование развития различных форм квазигосударственных образований на постсоветском пространстве особенно важен для отечественных ученых в определении стратегии национальных интересов России¹.

Теоретико-методологической рамкой исследований непризнанных государств в политической науке может быть институциональный подход в своих современных разновидностях². Как известно, «старый институционализм» прекратил свое существование в 50-х гг. XX века, «новый институционализм» получил свое развитие только через тридцать лет в начале 80-х гг.³ Длительный период «забвения институтов» компенсировался отчасти теорией международных отношений, где господствовал такой методологический подход как реализм, фокусировавший внимание на анализе главного политического института – государства. Национальные (государственные) интересы, борьба за их осуществление – это основа реалистической традиции⁴.

В 1980-е гг. одна из разновидностей институционализма – неинституционализм становится очень популярным. Основные постулаты данного подхода: а) институты рассматриваются как полноправные акторы политического процесса, потому что они имеют свои собственные, особые интересы; б) институты оказывают

основное и определяющее воздействие на поведение человека, устанавливая рамки индивидуального выбора через формирование и выражение предпочтений; в) способность субъектов политики осознавать свои цели отчасти определяется институциональным контекстом, в котором они действуют⁵.

Одним из важнейших трендов процесса глобализации является постепенное уменьшение роли национальных государств, но этот процесс противоречив и неоднозначен⁶. Суверенитет государства, например, является безусловной ценностью в ряде стран европейской периферии. Если рассмотреть только страны, являющиеся участниками «замороженных конфликтов» в данном регионе, то можно констатировать, что все четыре метрополии (Азербайджан, Грузия, Молдавия, Сербия) могут претендовать на статус несостоявшихся государств, поскольку они не имеют возможность полностью контролировать свою территорию. Политические институты непризнанных государств очень часто являются более эффективными и демократичными, чем подобные образования в бывших метрополиях. На современном этапе можно, скорее, говорить об уменьшении автономности государства в мире, если под автономией понимать способность принимать решения без учета интересов других акторов мировой политики.

Создание и существование непризнанных государств – ярчайший пример малой эффективности региональных и международных институтов по регулированию конфликтов. В современном мире тенденции региональной и мировой интеграции сосуществуют с трендами сепаратизма, который понимается как стремление к отделению, обособлению какой-либо территории, этнической группы и ирредентизма, который трактуется как присоединение к какому-либо государству спорной или сепаратистской территории, этнической группы. Все это предмет для неинституционального анализа. Институционализм можно использовать и для исследования ресурса сопредельных территорий для непризнанных государств, поскольку действия людей определяются во многом существующими институтами национального масштаба.

Само понятие «непризнанное государство» достаточно условно и может использоваться в научном плане лишь с определенными допущениями и оговорками. Юристы с успехом могут оспорить целесообразность такого термина с точки зрения норм международного права, политологи и международники, настаивая на реальности феномена непризнанных государств, должны помнить о научной некорректности категории, образованной через приставку «не». На наш взгляд, непризнанным может быть названо государственное образование, лишенное международной правосубъектности, но обладающее всеми другими признаками государственности.

Понятие «непризнанное государство» является более точным при обозначении реальных феноменов региона европейской периферии, чем широко употребляемые термины: «непризнанные территории», «самопровозглашенные государства», «самопровозглашенные республики». Последние имеют, скорее, эмоциональное и публицистическое звучание и указывают на один из существенных признаков государства – территорию, непризнанность, самопровозглашение.

Можно утверждать, что непризнанные государства являются определенной переходной стадией государственности, возникающей в процессе сецессии или ирредентизма различных территорий, распада государств. Непризнанные государства могут стать полноценными независимыми государствами, могут быть поглощены метрополией после определенного периода независимости, а могут надолго сохранять свой переходный статус. До сих пор в Западной Европе классическим (и практически единственным) примером успеха сецессии, а затем ирреденты непризнанного государства к этнически близкой Германии остается регион Саарланд⁷.

Перечень непризнанных государств в научных публикациях практически во всех случаях остаётся неизменным⁸. В него обязательно входят Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика (Арцах, НКР), Китайская Республика (Тайвань), Турецкая Республика Северного Кипра и Косово. Последнее в 2008 г. получило признание 38 государств мира, что создает неплохой фундамент для финансовой поддержки экономики края, но не имеет больших перспектив с точки зрения членства ООН, Европейском Союзе, ряде других международных организаций, поэтому в обозримом будущем Косово может претендовать лишь на статус «частично признанного государства», которое традиционно классифицируют как разновидность «непризнанного государства». Часто к данной когорте из семи непризнанных государств добавляют Республику Сомалиленд, Тамил Илам и в последнее время Исламское Государство Вазиристан, независимость которого была провозглашена в феврале 2006 г. боевиками-пуштунами (сторонниками Талибана) на территории северо-западного Пакистана. Изредка в этом же контексте упоминаются Южный Судан, Кашмир, Западная Сахара, Палестина, Курдистан и некоторые другие территории (например, экзотический Силенд), которые можно отнести к разряду непризнанных государств. Закономерно, что в вышеприведенный перечень входят все пять непризнанных государств европейской периферии и четыре непризнанных государства постсоветского пространства.

Существование непризнанных государств европейской периферии напрямую связано с процессом распада Советского Союза, Югославии и рядом этнических вооруженных конфликтов

1990-х гг., которые не получили своего политического урегулирования до сих пор. Непризнанные государства европейской периферии достаточно малы территориально, их население немногочисленно даже по европейским меркам. Так, например, явным лидером среди непризнанных государств по этим параметрам является Косово, контролирующее на сегодняшний момент территорию в 11 000 км² и имеющее население около 2 млн. человек⁹. Этнические албанцы составляют в крае значимое большинство, сербы, хорваты, венгры, турки, цыгане и другие этнические меньшинства насчитывают до 100 тысяч человек¹⁰. Южная Осетия располагает территорией в 3 900 км², с населением – 70 тыс. человек¹¹ и представляет собой наименьшее (по территории и населению) непризнанное государство европейской периферии. Приднестровье контролирует территорию в 4 163 км², на которой проживает 555,5 тыс. человек, Абхазия занимает территорию в 8 600 км² с населением 250 тыс. человек, в Нагорном Карабахе проживает всего 146,6 тыс. человек, которым удается удерживать территорию в 11 000 км² с учетом шести оккупированных районов Азербайджана¹².

Отметим, что размер контролируемой территории и число жителей имеют для непризнанных государств большое военное и политическое значение. Многие из них смогли завоевать и удерживать значительные пространства лишь благодаря военной и экономической помощи сопредельных стран, союзников, вмешательства международного сообщества.

Фактор сопредельных территорий для непризнанных государств имеет двойственное значение. С одной стороны, к ним относится бывшая метрополия, которая мирными и военными средствами, экономической блокадой и т.п. пытается вернуть «мятежников» в юридические границы своего государства. С другой стороны, сопредельные территории являются фактором выживания непризнанного государства, поскольку, как правило, именно внешний ресурс (опора на сильное независимое государство или государства) позволяет функционировать экономике мятежной территории, развиваться властным институтам и государственному аппарату, вооруженным силам и т.п.

На современном этапе наличие «больших территорий», по меркам непризнанных государств, позволяет им в ряде случаев вести полноценный политический торг в сфере урегулирования «замороженных конфликтов». Такое положение характерно для Абхазии, Косово, Нагорного Карабаха. В Приднестровье большое значение имеет плотность населения и компактность контролируемой территории (преимущественно Левобережье Днестра). Положение Южной Осетии в территориальном плане наиболее уязвимо, не способствует усилению позиций и малочисленность населения. Потенциальное возвращение беженцев на территории непризнанных государств может

значительно изменить картину их этнической однородности. Речь идет о четырех из пяти таких территорий: Абхазии, Нагорном Карабахе, Южной Осетии, отчасти Косово. Поэтому при любом развитии ситуации вопрос о беженцах является одним из самых трудноразрешимых.

Непризнанные государства европейской периферии по многим параметрам являются полноценными государствами. Можно говорить о давно сформированных и функционирующих институтах публичной власти, механизмах ее формирования (прежде всего, выборах), целом ряде полигических и правовых институтов, которые наличествуют в любом независимом государстве: армии, силах правопорядка, собственной системе права, гражданства и т.п. На перечисленных выше территориях существуют свои экономические системы, наличествуют собственные финансовые и налоговые органы и т.п.

Непризнанные государства могут быть типологизированы по различным основаниям. Так, ключевой критерий для них – контроль над своей территорией – позволяет выделить четыре идеальных типа: во-первых, непризнанные государства с полным контролем своей территории (например, Вазиристан, Приднестровье, Сомалиленд, Северный Кипр); во-вторых, – с частичным контролем своей территории (например, Абхазия, Нагорный Карабах, Тамил Илам, Южная Осетия); в-третьих, непризнанные квазигосударства (не получившие право на самоопределение этносы), контролирующие территорию лишь в местах компактного расселения этнической группы (например, Курдистан, расположенный на территории четырех государств: Турции, Ирана, Ирака, Сирии, насчитывающий 30 млн человек).

Понятие «непризнанное государство», как уже было отмечено выше, очень условно. На самом деле, к данной когорте государственных образований обычно относят и частично признанные государства. Поэтому по критерию признания суверенитета можно выделить собственно непризнанные государства (например, Приднестровье) и частично признанные государства (например, Тайвань), некоторые из которых реально находятся под военной оккупацией (Западная Сахара, Палестина). Известно, что Тайвань имеет дипломатические отношения с двадцатью шестью странами мира, Северный Кипр признается лишь Турцией, Ичкерия была признана тремя государствами, но на сегодняшний день вообще прекратила свое существование.

Разумеется, эта и ей подобные типологии достаточно несовершенны, но без них трудно представить аналитическое изучение феномена непризнанных государств. Идеальные типы очень часто не совпадают с динамикой реальных процессов, иногда носят сугубо условный характер. Так, например, в типологии по критерию контроля над своей территорией Южная Осетия может быть отнесена и к четвертому типу, если рассматривать

данную ситуацию как стремление к объединению этноса в рамках одного государства¹³.

Непризнанность государства международным сообществом является правовой характеристикой его статуса. Подобное государство лишено возможности активной экономической деятельности, заключения выгодных торговых контрактов, реализации совместных инвестиционных и инфраструктурных проектов. Непризнанное государство рассчитывает только на гуманитарную помощь международного сообщества, социальные и культурные проекты, сотрудничество с различными странами и регионами остаются в зачаточном состоянии, поэтому политико-правовое признание какой-либо территории напрямую обеспечивает ее существование и развитие.

Непризнанные государства европейской периферии существуют достаточно давно: Косово – восемь лет, Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия – пятнадцать лет, Приднестровье – семнадцать лет. Перспективы изменения статуса (признание независимости, ирредента, силовое поглощение метрополией, возвращение в состав единого государства посредством урегулирования конфликта) у всех территорий различны.

Наименьшие шансы на изменение своего статуса, очевидно, имеет Нагорный Карабах. Основными причинами подобного положения являются: равный военный потенциал конфликтующих сторон (с учетом фактора России и Организации договора коллективной безопасности); заинтересованность всех геополитических акторов в этом регионе (США, ЕС, Россия, Иран, Турция) в сохранении статус-кво; политическая невозможность территориального обмена, который может открыть путь к политическому урегулированию конфликта.

Подобное положение НКР делает внешние ресурсы стратегическими для выживания данного квазигосударства, при этом двойственность фактора сопредельных территорий для непризнанных государственных образований имеет место и в этом случае.

Угрозы для Нагорного Карабаха военного и экономического порядка со стороны сопредельных пространств существуют от Азербайджана и отчасти – Турции (помимо дипломатической и военной поддержки азербайджанцев, данная страна осуществляет экономическую блокаду Армении). Рост ВВП в Азербайджане составляет до 40% в год и является самым высоким в СНГ¹⁴. Экономика НКР и Армении даже при стабильном и постоянном росте не могут угнаться за нефтяными сверхдоходами своего соседа. В результате военные расходы Азербайджана в 2008 г. превысили 1 млрд долларов¹⁵. Подобное развитие экономики рождает многочисленные реваншистские планы.

Сопредельные территории являются важнейшим ресурсом для существования и развития НКР. Во-первых, за счет них осуществляется во-

енная и экономическая помощь, так как экономика Нагорного Карабаха в значительной степени не самостоятельна. Во-вторых, географическое положение НКР таково (горные хребты фактически полностью отделяют данную территорию от Армении), что развитие социально-экономических, в том числе инфраструктурных, связей с Азербайджаном сопряжено с меньшими экономическими издержками, чем с Арменией.

Экономическая помощь Нагорному Карабаху оказывается, прежде всего, Арменией из бюджетных средств, армянскими диаспорами США и стран Европейского Союза (очень часто по родственным каналам). Многие жители Карабаха периодически уезжают на заработки к родственникам в Россию. Принципиально важным для экономического и торгового партнерства Армении является сотрудничество с Ираном, особенно в сфере энергетики. Военную безопасность НКР кроме собственных боеспособных подразделений обеспечивают Армения и Россия как члены ОДКБ.

Нагорный Карабах осуществляет внешние связи с различными странами мира, хотя количество подобных государств ограничено. Жители НКР имеют армянские, французские и американские паспорта, что предоставляет возможности для экономической и образовательной мобильности.

Во-третьих, сопредельные территории позволяют осуществлять проекты экономического и инфраструктурного сотрудничества НКР местного масштаба. Реализация региональных и международных проектов на территории Нагорного Карабаха пока невозможна, поскольку не определен официальный статус данной территории. Азербайджан постоянно упрекает Армению за разработку золоторудных рудников на оккупированных территориях. Тем не менее часть проектов местного масштаба реализовано или получает свое экономическое обоснование, они преимущественно связаны с гуманитарной помощью и развитием инфраструктуры. Так, часть средств диаспор, поступающих с территории Армении, была направлена для улучшения дорожной инфраструктуры в НКР, например, построена автомобильная дорога высокого качества Горис – Степанакерт – Мардакерт стоимостью 40 млн долл.¹⁶.

Большую важность для НКР представляет разведка и разработка месторождений полезных ископаемых, в частности, в Мартунинском районе есть месторождение меди, полиметаллов и золота, в Мардакертском районе – угля. Для развития преимущественно аграрной экономики непризнанного государства важным является институционализация сельскохозяйственного бизнеса и сотрудничество в этой сфере с Арменией, Грузией и Азербайджаном.

Перспективными с миротворческой точки зрения будут проекты, объединяющие весь регион

Южного Кавказа. Так, существует важный инфраструктурный проект, объединяющий Армению, НКР и Азербайджан. Речь идет о строительстве транспортного коридора Агдам – Степанакерт – Шуша – Сюникский район Армении – Нахичевань¹⁷. При использовании трассы обеими сторонами ни одна из них не будет заинтересована в блокаде, а для реализации проекта не понадобятся большие средства, так как в основном необходимо соединение уже имеющихся коммуникаций.

В-четвертых, сопредельные территории используются как «пояс безопасности», элемент торга в обмен на мир. НКР сегодня является относительно самостоятельным политическим актором в регионе Южного Кавказа. Интересы республики по некоторым вопросам не совпадают даже с этнически родственной Арменией (арцахи, как известно, являются субэтносом). В частности, Нагорный Карабах настаивает на своем собственном участии в переговорном процессе. В первые годы конфликта речь шла только о присоединении к Армении.

Окупируемые районы и отрезанная от Азербайджана территория Армении Нахичевань являются тем козырем, который используются Арменией и НКР на переговорах. Нагорно-Карабахская Республика готова отдать оккупированные территории в обмен на признание собственной независимости. Армения соглашается на изменение анклавного положения Нахичевани (создание выгодных условий транзита товаров и грузов, коридора за счет территориального обмена и т.п.). Обмен территориями является, пожалуй, единственной перспективой мирного урегулирования конфликта вокруг Нагорного Карабаха.

В-пятых, сопредельные территории способствуют экстраполированию демократических ценностей на территорию НКР – европейские стандарты распространяются преимущественно благодаря влиянию Армении. Нагорный Карабах является наиболее продвинутым из непризнанных государств европейской периферии с точки зрения развития демократических институтов и процедур. Речь идет не только о процедуре выборов, демократических практиках взаимоотношений между населением и государственными лидерами, различными ветвями власти, но и о поведении членов политической элиты, которые минимально подвержены коррупции, добровольно отказываются от власти. При этом необходимо понимать, что эта демократия – продукт развития моноэтнического общества, а возвращение азербайджанцев в НКР и соблюдение по отношению к ним демократических стандартов существуют пока лишь в миротворческих планах.

Таким образом, продолжительное по времени существование непризнанных государств является нормой для современной европейской периферии и других регионов мира. Подобная ситуация возможна во многом благодаря использованию ресурса сопредельных пространств.

Примечания

- 1 Наиболее серьезные дискуссии российских ученых о непризнанных государствах демонстрируют пока лишь большой плюрализм подходов и мнений, национальные интересы России применительно к данной проблеме часто понимаются учеными совершенно по-разному (см., например: Непризнанные государства: возможности и вызовы XXI века // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 12. С. 64–81).
- 2 См.: *March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics*. N.Y., 1989; *Hall P.A., Taylor R.C.R. Political Science and the Three New Institutionalisms* // *Political Studies*. 1996. Vol. XLIV.
- 3 См.: *Rhodes R.A. The Institutional Approach* // *Theory and Methods in Political Science* / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. S. I., 1995; *Hay C. Political analysis*. Hampshire, N.Y., 2002.
- 4 См., например: *Keohane R.O., Nye J.S. Power and interdependence: World politics in transition*. Boston, 1977; *Waltz K.N. Man, the state and war*. N.Y., 1959.
- 5 См.: *Мэр П. Сравнительная политология: общие проблемы* // *Политическая наука: новые направления* / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой. Науч. ред. Е.Б. Шестопал. М., 1999. С. 314.
- 6 См. по этому поводу: *Гемават П. Почему мир не «плоский»* // *Pro et Contra*. 2007. № 3 (37). Май–июнь. С. 98–105; *Малахов В.С. Государство в условиях глобализации: Учеб. пособие* / М., 2007.
- 7 *Бусыгина И.М. Политическая регионалистика: Учеб. пособие*. М., 2006. С. 201.
- 8 См.: *Kupchan C. Independence for Kosovo* // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84, № 6; *Fall B. Conflict in the South Caucasus* // *Asian Affairs*. 2006. № 37(2). P. 198–209; *Toft M. The Geography of Ethnic Violence: Identity, Interests and Indivisibility of Territory*. S. I., 2003; *Европеизация и разрешение конфликтов: конкретные исследования европейской периферии* / Пер. с англ. М., 2005; *Непризнанные государства: возможности и вызовы XXI века*. С. 64–81; *Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России* // *Южно-российское обозрение*. 2005. № 29; *Постсоветские конфликты* // *Pro et Contra*. 2006. № 5–6 (34); *Смирнов П. «Мерцающий режим» конфликтов самоопределения в Восточной Европе* // *Международные процессы*. 2006. Том 4, № 2 (11). Май–август; *Смит Д. «Советские сироты»: исторические корни Приднестровского, Нагорно-Карабахского, Абхазского и Южно-Осетинского конфликтов* // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2006. № 4 (57). С. 128–135 и др.
- 9 *Косово и Метохия* // *Свободная энциклопедия. Википедия* // <http://ru.wikipedia.org> // просмотр 30.09.2007.
- 10 Там же.
- 11 *Южная Осетия* // *Свободная энциклопедия. Википедия* // <http://ru.wikipedia.org> // просмотр 30.09.2007.
- 12 *Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Нагорно-Карабахская Республика* // *Свободная энциклопедия. Википедия*. // <http://ru.wikipedia.org> // просмотр 30.09.2007.
- 13 Например, точка зрения российского историка А. Улуняна (см.: *Непризнанные государства: возможности и вызовы XXI века*. С. 71).

¹⁴ Экономика Азербайджана выросла за год на 40% // РИА Новости // <http://www.rian.ru> // 30.09.2007.

¹⁵ См.: Мамедов С., Желенин А. Азербайджан увеличивает военные расходы // Независимая газ. 2007. № 136. 9 июня.

¹⁶ Ethnic Nationalism and Regional Conflicts: The Former Soviet Union and Yugoslavia / Ed. by G.P. Holman. N.Y., 2005. P. 159.

¹⁷ Ibid. P. 73–174.

УДК 327.7(4+(470+571))

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И РОССИЯ: ОТ ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ К ОБЩИМ ИНТЕРЕСАМ

Г.М. Михалева

Российский государственный гуманитарный университет, Москва
E-mail: galina2523@yandex.ru

История изменения отношений Европейского Союза и России в ходе российской трансформации – это путь, связанный с иллюзиями и заблуждениями, существенными расхождениями риторики и политической практики, периодическим возвращением к алгоритму отношений советских времен.

Тем не менее со времени начала перестройки и той и другой стороны все более ясно осознается взаимная зависимость. Как справедливо замечает Х. Тиммерманн, «как европейски ориентированный и готовый к сотрудничеству партнер, определяющий себя в европейских терминах, Россия может внести свой существенный вклад в создание стабильности и процветания на континенте. Но если властное большинство маргинализировано и не уверено в своих ориентациях, существует риск, что Россия может экспортировать нестабильность из Восточной Европы в Западную»¹.

На всех этапах российской трансформации в той или иной форме присутствовало европейское влияние, однако пока оно не привело к желаемому результату – превращению России в надежного и равноправного партнера ЕС.

The European Union and Russian Transformation

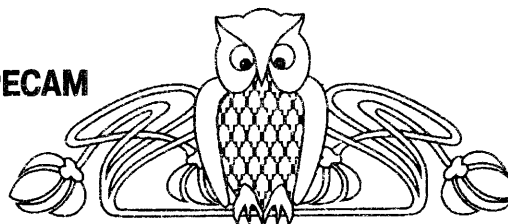
G.M. Mikhaleva

The history of changes in the relations between the European Union and Russia during the period of Russian transformation is a road full of illusions and errors, essential differences in rhetoric and political practice, repeatedly returning to the algorithms of relations as they were used during Soviet times and the Cold War on both sides.

Nevertheless, since the beginning of Perestroika both parts have begun to realize their mutual dependence more and more clearly. However, it obviously has not yet led to a desirable result: the transformation of Russia into a stable democracy with a market economy and a reliable and equal partner.

The potential of political steps on rapprochement of Russia and Europe is already exhausted, all possible declarations are made. The main argument is that while from the EU only innovations in foreign policy are required, Russia has a problem of radical changes inside the country for deepening these relations. These changes demand much more resources, efforts and time.

Рассмотрение взаимоотношений Европейского Союза и России, очевидно, необходимо начать с ограничения и анализа их целей. Для Европейского Союза приоритетными целями в 1990 гг.

и первой половине 2000-х гг. были укрепление демократии, интеграция России в единое экономическое и социальное пространство, сотрудничество, направленное на усиление стабильности и безопасности в Европе и за ее пределами, реакция на общие «вызовы» на континенте (терроризм, миграция и т.д.).

Формулируемые в настоящее время программные цели имеют в среднесрочной перспективе, скорее, утопический характер: создание единого экономического пространства по типу ЕС, что предполагает не только свободный обмен капиталами, товарами и рабочей силой, но, что значительно важнее – выравнивание институциональных характеристик, включая правовые нормы и судебную практику.

Для России цели были связаны с экономической модернизацией страны и достижением конкурентоспособности на мировом рынке. Более того, отношение к глобализационным влияниям и Западу в целом носило невнятный и непоследовательный характер в сочетании с практикой использования любой западной финансовой поддержки.

Несмотря на декларативный выбор России в 1994 г. («Соглашение о партнерстве и сотрудничестве») в пользу европеизации, Россия не собиралась, поскольку ее реальные интересы находились в сфере финансов, а не вопросов демократии, и не могла выполнять подписанные соглашения из-за несовершенства законодательной базы, а Запад этого и не требовал.

До последнего времени Россия предпочитала двусторонние соглашения, а после событий 11 сентября – политическую игру в треугольнике: Россия – США – ЕС. Для России важно было сохранить роль «мировой державы» (что позволяет ядерный потенциал, размеры территории и энергоресурсы) и соответственно членство в престижных международных организациях.

Запад в целом, как и ЕС, в 2000-е гг. преследуя значимые и незначимые цели, настаивая на решении задач приоритетных (безопасность, энергетический сектор) или же локальных, но значимых вопросов (Калининградский транзит,